

Статьи. Теория

НИКОЛАЙ Н. ПРОЦЕНКО¹

Независимый исследователь, Нови Сад, Сербия

Источники социальной власти, разновидности капитала и типы стратификации: эвристический потенциал многофакторного макроанализа социального конфликта

doi: 10.22394/2074-0492-2023-1-11-30

В статье дается набросок многофакторного подхода к анализу социальных конфликтов, основанного прежде всего на работах Макса Вебера и таких ключевых исторических макросоциологов конца XX — начала XXI века, как Майкл Манн, Ричард Лахман и Иван Селеньи. Заявленный подход создает возможности для преодоления разрыва между двумя ключевыми направлениями социологической традиции конфликта — марксистской и веберовской. В действительности они не исключают друг друга, а работают по принципу дополнительности, оперируя аналогичным набором терминов (прежде всего класс и капитал) и сводя многообразие социальных феноменов к общему знаменателю — конфликту. Теория источников социальной власти Майкла Манна, которой посвящена первая часть статьи, предостерегает о принципиальной односторонности интерпретации любого конфликта, имеющего отношение к власти (к таковым может быть отнесен любой конфликт, попадающий в периметр макросоциологии) исключительно как политического, экономического, идеологического или военного. Для полноценного описания такого конфликта требуется задействовать все четыре указанных аспекта социальной власти, даже если какие-то из них не проявляются в конкретном конфликте в достаточной мере. На эту первоначальную разметку поля конфликта

11

1 Проценко Николай Петрович — переводчик литературы по социальным и гуманитарным дисциплинам, член ассоциации профессиональных переводчиков IAPTI (Нови Сад, Сербия). Научные интересы: мир-системный анализ, историческая макросоциология, теория элит, социальные конфликты, капитализм, классовый анализ, рациональность. E-mail: pro-tzman1979@gmail.com

ложатся очерченные во второй части статьи подходы к анализу его непосредственных участников — социальных классов с их ресурсами (капиталом в его различных формах), которые в конечном итоге и определяют специфическую конфигурацию неравенства — движущей силы любого конфликта. Такой комплексный подход позволяет преодолеть догматизм марксистских схем, в то же время не отказываясь от теоретического наследия марксизма: переосмысление его ключевых терминов в веберовской парадигме обогатило социологическую традицию конфликта, сформировав необходимый калейдоскопический взгляд на этот социальный феномен.

Ключевые слова: конфликт, капитал, власть, рациональность, элиты, классы, стратификация, Макс Вебер, Майкл Манн, Иван Селеньи, Ричард Лахман

Nikolay N. Protsenko¹

independent researcher, Novi Sad, Serbia

Sources of Social Power, Varieties of Capital, and Types of Stratification: the Heuristic Potential of Multivariate Macroanalysis of Social Conflict

12

Abstract:

This article sketches out a multifactorial approach to the analysis of social conflict, based primarily on studies by Max Weber and prominent contemporary historical macrosociologists such as Michael Mann, Richard Lachman, and Ivan Szelenyi. The approach offers opportunities to bridge the gap between two key strands of the sociological tradition of conflict — Marxist and Weberian. It is argued that they do not exclude each other but work on the principle of complementarity, operating on a similar set of terms (primarily class and capital) and reducing the diversity of social phenomena to a common ground — conflict. Michael Mann's theory of sources of social power, to which the first part of the article is devoted, warns against the fundamental one-sidedness of interpreting any conflict related to power (any conflict falling within the perimeter of macrosociology can be classified as such) exclusively as political, economic, ideological, or military. A complete description of such a conflict requires engaging all four of these aspects of social power, even if some of them do not manifest themselves sufficiently in a particular conflict. The approaches outlined in the second part of the article to the analysis of its direct participants — social classes with their resources (capital in its various forms), which ultimately determine the specific configuration of inequality — the driving force of any conflict — are based on this initial marking of the conflict field. Such a comprehensive approach allows

1 Nikolay Protsenko is a translator of studies in social sciences and humanities, a member of the IAPTI association of professional translators (Novi Sad, Serbia). Scientific interests: world-system analysis, historical macrosociology, theory of elites, social conflicts, capitalism, class analysis, rationality. E-mail: protzman1979@gmail.com

us to overcome the dogmatism of Marxist schemes without abandoning the theoretical legacy of Marxism: the reinterpretation of its key terms in the Weberian paradigm thus enriches the sociological tradition of conflict, forming the necessary kaleidoscopic view of this social phenomenon.

Keywords: conflict, capital, rationality, elites, classes, stratification, Max Weber, Michael Mann, Pierre Bourdieu, Richard Lachmann

Изучение социального конфликта во многом тождественно изучению общества как такового. Рэндалл Коллинз, один из живых классиков современной социологии, в перечне выделяемых им четырех важнейших социологических традиций ставит на первое место именно традицию конфликта, отмечая, что ее последователи не просто постулируют, что общество состоит из конфликтов, а настаивают, что «даже происходящее вне открытого конфликта включает в себя элементы господства» [Коллинз 2009: 61]. Последнее понятие является одним из важнейших терминов социологии Макса Вебера, определявшего господство (*Herrschaft*) как «вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания» [Вебер 2016–2019: I, 109]. Сама эта ситуация указывает на неравномерное распределение тех или иных ресурсов: отдающий приказ обладает чем-то отсутствующим у повинующихся, которые видят в этом отсутствии основание для подчинения — либо повод для овладения этим ресурсом. Поскольку неравномерная обеспеченность ресурсами преследует человечество на протяжении всей его истории (достаточно вспомнить библейский сюжет об Авеле и Каине), конфликт оказывается неотъемлемой составляющей любого общества. Тот же Рэндалл Коллинз в качестве эпиграфа к работе «Социология философий» использует следующий фрагмент Гераклита: «Гомер ошибался, говоря: “Да сгинет вражда как между богами, так и между людьми”. Потому что, если бы случилось это, то сгнуло и исчезло бы все» [Коллинз 2002: 4].

13

В этой статье, не претендующей на новизну теоретического подхода к проблематике социального конфликта, дается набросок многофакторного подхода к его анализу, основанного прежде всего на работах Вебера и таких ключевых представителей социологической традиции конфликта конца XX — начала XXI века, как Майкл Манн, Ричард Лакман и Иван Селеньи. Эвристическая ценность предлагаемого подхода заключается в демонстрации того, что анализ конфликта как комплексного социального феномена по определению требует многофакторного подхода. В частности, такой подход создает возможности для преодоления разрыва или по меньшей мере «наведения мостов» между двумя ключевыми направлениями традиции конфликта — марксистской и веберовской, которые в действительности

не исключают друг друга, а работают по принципу дополнительно-сти, оперируя аналогичным набором терминов (прежде всего «класс» и «капитал») и сводя многообразие социальных феноменов к общему знаменателю — конфликту. Кроме того, обращение к конфликту как феномену, который обнаруживается на всех уровнях изучения общества — синхронном и диахроническом, на глобальной шкале и в масштабе отдельно взятого общества вплоть до самых малых групп, — позволяет диалектически снять еще одну небезызвестную дилемму в познании общества и истории: «Изменение вечно. Ничто не меняется» [Валлерстайн 2016–2018: I, 3].

Четыре источника социальной власти как неисчерпаемая среда социального конфликта

В фундаментальном труде Майкла Манна «Источники социальной власти» [Манн 2018] предлагается универсальная матрица для анализа диспозиций конфликта в любом обществе, включающая четыре важнейших типа сетей социального взаимодействия — идеологический (И), экономический (Э), военный (В) и политический (П). Эти источники социальной власти, указывает Манн, выступают в качестве «путевкаладчика», который прокладывает железнодорожные колеи разной ширины через социальную и историческую местность — «они придают коллективную организацию и единство бесконечному разнообразию социального существования» [Манн 2018: 67]. Развивая тезис Манна о том, что «необходимость институционализации ведет к их частичному объединению в одну или более доминирующих сетей власти» [Манн 2018: 68], можно представить континуум теоретически возможных конфигураций источников социальной власти — от их полной автономизации до монополизации — в следующем виде: И // Э // В // П <...> ИЭВП¹.

Обе крайние точки континуума выглядят образцовыми случаями среды, порождающей социальный конфликт. В качестве эмпири-

14

1 В общей сложности возможны 19 промежуточных конфигураций: И//Э//ВП; И//В//ЭП; И//П//ЭВ; И//ЭВП; Э//И//ВП; Э//В//ИП; Э//П//ИВ; Э//ИВП; В//Э//ИП; В//П//ЭИ; В//И//ПЭ; В//ЭИП; П//Э//ВИ; П//И//ЭВ; П//В//ЭИ; П//ЭВИ; ПЭ//ВИ; ПВ//ЭИ; ПИ//ЭВ. Для дальнейшего изложения следует сделать два важных уточнения: 1) в целях упрощения модели мы не будем обращаться к таким важным для работы Манна категориям, как авторитетная, диффузная, интенсивная и экстенсивная, а также инфраструктурная власть; 2) четыре источника социальной власти у Манна определенно выступают в качестве веберовских идеальных типов, что следует учитывать при их использовании в анализе эмпирических примеров. Аналогичным образом идеальными типами следует считать социальные классы, о которых речь пойдет ниже.

ческих примеров можно рассмотреть такие исторические сюжеты, как кризис III века в Римской империи и распад СССР (И//Э//В//П), с одной стороны, и восхождение, и крах режимов наподобие германского фашизма (ИЭВП).

Кризис Римской империи в середине III века н.э., как свидетельствуют историки, наступил вследствие чрезвычайного расширения ее границ, не соответствовавшего уровню тогдашних технологий обеспечения связности территории — от строительства путей сообщения до социальных коммуникаций и регенерации производительных сил¹. Наиболее явным симптомом фрагментации империи стало обособление экономической власти (Э) — возникновение крупных автономных земельных владений (латифундий), фактически неподконтрольных центральной власти, что привело к радикальной демонетизации экономики. Как указывает Манн, в промежутке 235–284 годов «обрушение римской фискально-военной системы оказало катастрофическое воздействие на экономику в целом. Содержание серебра в монетах упало с 40% в 250 г. до менее чем 4% в 270 г.» [Манн 2018: 420]. Наиболее явным симптомом автономизации военной власти (В) стал феномен быстро сменявших друг друга либо правивших одновременно солдатских императоров при появлении временных имперских столиц на окраинах империи (в особенности на Балканах, откуда происходила значительная часть этих императоров), где требовалось максимальное присутствие армий для отражения атак варваров. Между тем в самом Риме и «старых» провинциях империи политическая власть (П) по-прежнему принадлежала местным аристократическим семействам, которые благополучно сохраняли свои регалии долгое время и после формального низложения последнего западного римского императора в 476 году². Наконец, кризис III века был отмечен полнейшим

- 1 Анализ истоков экономических проблем поздней Римской империи см., например, в работе Перри Андерсона «Переходы от античности к феодализму»: «На протяжении почти двух веков безмятежное великолепие городской цивилизации Римской империи скрывало ограниченность и противоречия производственной базы, на которой оно покоилось. В отличие от феодальной экономики, которая пришла ему на смену, рабовладельческий способ производства античности не обладал естественным внутренним механизмом самовоспроизводства... Традиционно поставки рабов зависели прежде всего от завоеваний за рубежом... Республика, чтобы установить римскую имперскую систему, награбила рабочую силу по всему Средиземноморью. Принципат прекратил дальнейшую экспансию... С окончательным закрытием имперских границ после Траяна источники военнопленных неизбежно иссякли» [Андерсон 2007: 77].
- 2 Как отмечает историк Средневековья Крис Уикхем, «от провинции к провинции местная римская знать... попросту находила способы уживаться

хаосом в области идеологической власти (И), когда все попытки синтеза античных религий и учений в некий синкретичный официальный культ потерпели крах, после чего императору Константину пришлось признать официальной религией христианство, еще недавно занимавшее маргинальную позицию в идеологическом поле. В лице христианства, отмечает Манн, «империи противостояла альтернативная организация власти» [Манн 2018: 469], и для средневековой Западной Европы конфликт между политической и идеологической (П//И) властью окажется магистральным.

Взгляд на социальные процессы в Римской империи в III веке сквозь оптику теории Майкла Манна демонстрирует *системный* характер кризиса. Дивергенция четырех источников социальной власти оказалась настолько существенной, что преодоление его последствий заняло по меньшей мере несколько столетий, получивших в исторической науке наименование темных веков. Именно в этот момент на территории распавшейся Римской империи и ее периферий возникает множество политий, правители которых пытаются комбинировать собственно политическую власть с остальными ее разновидностями — например, с экономической в средневековых городах-государствах (ПЭ) или идеологической в многочисленных княжествах-епископствах (ПИ). Как указывает Чарльз Тилли, для существовавших в Европе на рубеже I и II тысячелетий «расползавшихся, эфемерных государств, где сотни княжеств, епископий, городов-государств и других форм власти, перекрывая общие территории, осуществляли также контроль во внутренних районах страны», был характерен раздробленный (фрагментарный) суверенитет [Тилли 2009: 72]. Иными словами, эти политии не имели ничего общего ни с Римской империей, распад которой обусловил их появление, ни с современными национальными государствами. Характерное для Средневековья состояние войны всех против всех представляется именно результатом предельной фрагментации социальной власти.

Второй пример, распад СССР в 1989–1991 годах, является еще более наглядным случаем полной автономизации четырех источ-

16

с соседями-“варварами”, будущими правителями этих земель, устраивалась при дворе... и участвовала в управлении — разумеется, в максимальном соответствии с римским обычаем... Можно считать, что в событиях V века ничего сверхъестественного не было» [Уикхем 2019: 60]. О неспособности варварских (в частности, франкских) королей полноценно осуществлять политическую власть свидетельствует и такая деталь, как распад римской системы налогообложения — точнее, короли использовали освобождение от податей как стандартную политическую привилегию, а их собственной экономической основой становилось владение землей (см. [Уикхем 2019: 63-64]).

ников социальной власти, поскольку это событие прогнозировалось лишь в условной «долгосрочной перспективе»¹, а на деле произошло за незначительный по историческим меркам срок (хотя, учитывая продолжающиеся конфликты на постсоветском пространстве, по-прежнему нельзя с уверенностью утверждать, что оно является завершённым). Представляется, что принципиальная эрозия в декларируемой претензии КПСС на монополию на все источники социальной власти, воплощенной в формуле «Народ и партия едины», возникла в зазоре между политической и экономической властью (П//Э) с последующим расколом в политической структуре СССР, «обнулением» идеологии и параличом военной власти. Поздний период советской истории (1960–1980-е годы) по-прежнему требует досконального исследования, однако в нем отчетливо прослеживаются следующие общие тенденции:

— Политика сплошной коллективизации в СССР привела к тотальной неэффективности советской экономики в таком базовом секторе, как производство продовольствия и других сельхозтоваров наподобие хлопка, что привело к появлению масштабных неформальных сетей («продуктовой мафии»), которые базировались прежде всего в южных регионах. В сложившейся в брежневскую эпоху ситуации, когда тотальные репрессии против элит были невозможны, это способствовало экономической автономизации местной номенклатуры от центральной политической власти, а в конечном итоге и ползучей приватизации государства (см. [Ливен 2019: 199–202]).

— Руководство СССР на рубеже 1960–1970-х годов продемонстрировало неспособность к проведению экономических реформ, однако потребность в них стала ощущаться существенно меньше после того, как советская экономика стала все больше ориентироваться на экспорт природных ресурсов, прежде всего нефти и газа (см. [Гайдар 2006: 179–190]). При этом за распоряжение экспортной выручкой шла межведомственная борьба с участием партийных и правительственных структур, а также органов госбезопасности, что готовило почву для последующей инсайдерской приватизации этих потоков².

1 Основой одного из таких прогнозов, представленного Рэндаллом Коллинзом, была геополитическая теория (см. [Collins 1978]). В 1980 году, когда в ходе президентской кампании Рональда Рейгана в США активно обсуждалась проблема отставания американского ядерного арсенала от советского, Коллинз выступил с серией докладов, где утверждал, что дезинтеграция СССР из-за геополитического перенапряжения наступит еще до того, как начнется ядерная война, однако не рассматривал такой исход как дело ближайших нескольких лет (см. подробно в [Collins 1995]).

2 Весьма характерно, что карьера ряда будущих представителей российского сырьевого олигархата начиналась в советских ведомствах (например,

— Номенклатура после прекращения сталинских репрессий окончательно превратилась в «новый класс» (термин югославского политолога Милована Джиласа), а точнее, используя терминологию Вебера, в статусную группу, обладавшую неотчуждаемыми привилегиями (см. [Восленский 1991: 267-352]) — но не гарантированными правами частной собственности. Последнее обстоятельство, безусловно, внесло свою лепту в добровольный отказ номенклатуры от идеологической власти, выразившийся в отмене 6-й статьи Конституции СССР о Коммунистической партии как верховном институте власти в стране. Однако незамедлительным последствием этой меры стал кризис уже в сфере политической власти, поскольку центром принятия решений в ней были именно партийные органы.

18 Таким образом, к концу 1980-х годов в СССР также возник системный кризис всех четырех источников власти. Идеологическая власть потерпела фиаско: после объявления курса гласности «ликвидность» коммунистической идеологии обвалилась практически сразу. Политическая власть с исчезновением ее сердцевины в виде «руководящей и направляющей роли» партии стремительно фрагментировалась — начался пресловутый «парад суверенитетов». Одновременно были запущены процессы «явочной» приватизации в сфере экономической власти — симптомом утраты монопольного контроля в этой сфере стало внезапное исчезновение с полок магазинов даже элементарных товаров. Наконец, военная власть дискредитировала себя сначала во время авантюры в Афганистане, а затем при попытках подавления протестов в национальных республиках СССР и продемонстрировала свою дисфункциональность во время августовского путча 1991 года. В таких условиях прекращение существования Союза было лишь вопросом времени, хотя виной тому была отнюдь не геополитика и уж тем более не происки «недружественных стран», а в первую очередь внутренние процессы¹.

Владимир Потанин работал в объединении «Союзпромэкспорт», а Вагит Алекперов был заместителем министра нефтяной и газовой промышленности СССР), внутри или под эгидой которых во второй половине 1980-х годов стали активно создаваться коммерческие структуры, перетягивавшие на себя внешнеторговые потоки. Гипотезу о закулисной подготовке приватизации советских активов задолго до распада СССР см. в: [Привалов 2005], а также значительный материал о борьбе за контроль над доходами от экспорта сырья в позднем СССР представлен в работе [Фельштинский, Попов 2021].

1. Одной из лучших недавних работ о внутренних механизмах распада СССР является книга американского историка и политолога Стивен Коткина «Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000». Коткин делает акцент на особой роли идеологической власти в этом процессе, отмечая «тонкую иронию судьбы» в том, что «очень ригидные политиче-

Для ситуаций наподобие кризисов III века или распада СССР (модель И // Э // В // П) характерно доминирование внутренних конфликтов, тогда как образцы противоположной модели (ИЭВП) демонстрируют «экспортный потенциал» конфликта: монополизация всех источников социальной власти с высокой долей вероятности породит ситуацию, когда для поддержания внутреннего равновесия системе потребуется внешняя агрессивная экспансия. Особая роль при этом, как правило, принадлежит военной власти и военной элите, которая, активно задействуя механизмы идеологической власти, стремится подчинить себе все остальные элитные группы. Исторический социолог Ричард Лахман в качестве такого предельного случая рассматривает нацистскую Германию, предполагая, что если бы ей удалось выстоять, то «она стала бы единственной империей, имеющей одну-единственную элиту, что устранило бы конфликт между элитами как основу структурных изменений в обозримом будущем. В этом отношении, а также в своем стремлении устроить в своих владениях настоящий “конец истории” нацистская империя была уникальной для мировой истории» [Лахман 2022: 64].

Акцент на роли элит в анализе конфликта в масштабе отдельно взятого общества/государства необходим прежде всего потому, что именно элиты, как правило, контролируют дефицитные ресурсы, борьба за распределение которых не прекращается в обществе. Элита, согласно определению Лахмана, «представляет собой группу наделенных властью лиц, составляющих особый организационный аппарат, который обладает способностью изымать ресурсы у тех, кто не является элитой» [Лахман 2022: 36]. Между тем элита, как правило, не является однородной: ее структура проявляет тенденцию к изоморфности структуре источников социальной власти¹. При этом

ские и экономические структуры были до основания потрясены именно коммунистической идеологией», в которую горбачевская перестройка попыталась вдохнуть новую жизнь. В результате марксизм-ленинизм «вдруг стал источником необычайного, хотя и разрушительного динамизма»: «И в решении начать перестройку, и, что еще важнее, в том, какую форму она приняла, проявилось не только соперничество сверхдержав, но и глубокое желание осуществить социалистические идеи, возродить партию и вернуться к воображаемым идеалам Октября» [Коткин 2018: 50].

- 1 Эту мысль подтверждает вышедшая в 1956 году, задолго до появления работ Манна и Лахмана, книга американского социолога Чарльза Райта Миллса «Властвующая элита» [Миллс 1959], где анализируются отношения между политической, военной и экономической элитами США. Концепция Миллса определенно возникла под влиянием Вебера, чьи работы Миллс переводил на английский, а у Манна разделение экономической, политической и идеологической власти коррелирует с известным веберовским разграничением класса, статуса и партии с добавлением военной власти как отдель-

динамика отношений внутри элиты (включая конфликты между разными элитами и элитными группами) определяется не только борьбой за ресурсы, но и разными мотивациями акторов. Используя веберовскую терминологию, можно, например, утверждать, что для идеологической власти (элиты) характерны, скорее, ценностно-рациональные установки, тогда как экономическая власть (элита) представляется сферой, где доминирует целерациональность.

Возникновение современного (модерного) мира в «долгом шестнадцатом веке» можно рассматривать именно как разрешение уже упомянутого магистрального для средних веков конфликта между политической и идеологической властью, когда представителям старых элит в итоге пришлось стать, по определению Лахмана, «капиталистами поневоле» (см. [Лахман 2010]). Принципиальный для капитализма альянс экономической и политической власти (осознанный еще авторами «Манифеста Коммунистической партии», которые указывали, что «современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» [Маркс и Энгельс 1955: 426]) предполагал также инкорпорацию власти военной, которая с завершением европейского Средневековья в целом перестает быть делом независимых акторов. Однако идеологическая власть принципиально отделяется от этой триады (И // ЭВП), что первоначально находит воплощение в процессах секуляризации в западном мире, а затем закрепляется в конституциях либеральных демократий в виде запрета на установление единой идеологии в пределах того или иного государства.

20

Тем не менее уже упомянутый германский нацизм, а также опыт ряда других (в том числе формально демократических) режимов XX–XXI веков демонстрируют, что при отсутствии развитой системы институциональных сдержек и противовесов капитализм всегда балансирует на грани монополизации всех источников власти в виде автаркии одной элиты, которая руководствуется скорее ценностно-рациональными, чем целерациональными соображениями¹. Наиболее опасным с учетом современного технологического

ного источника, вычленяемого из политической власти. В связи с этим следует повторить, что описываемые Манном источники социальной власти, несомненно, представляют собой разновидность веберовских идеальных типов — как и любая обобщающая теория, эта концепция требует особого внимания в приложении к эмпирическому материалу.

- 1 Лахман в качестве еще одного подобного примера выделяет Францию эпохи Наполеона, хотя и признает, что в случае победы над противниками единственная элита этого режима, в отличие от гитлеровской Германии, вряд ли смогла бы удерживать монополию на власть и в метрополии, и в завоеванных территориях [Лахман 2022: 64]. Стоит также отметить, что обращение

уровня вооружений и возможностей массовой пропаганды «гибридом» представляется сращивание военной и идеологической власти (ИВ). Майкл Манн в монографии о фашизме, вышедшей в оригинале в 2004 году, предположил, что «сегодня фашисты мертвы, и воскрешение их в ближайшее время вряд ли возможно» [Манн 2023: 536], однако спустя всего два десятилетия такая оценка представляется слишком оптимистичной. Исходя из определения Манном фашизма как «попытки создать трансцендентное национальное государство, при помощи парамилитаризма проведя народ через чистки» [Там же], можно утверждать, что в сегодняшнем мире достаточно «ингредиентов» для возникновения новых фашистских режимов, претендующих на монополизацию всех источников власти¹.

Неравенство как источник конфликта: переосмысление категории класса

Восходящая к теории господства Макса Вебера матрица четырех источников социальной власти детально размечает поле конфликта, однако оставляет на заднем плане его механизмы, рассмотрение которых находится в фокусе другого ключевого направления традиции конфликта — классового анализа, так или иначе ассоции-

21

к анализу взаимоотношений внутри элиты/элит в рамках конфигурации источников социальной власти типа ИЭВП представляется более продуктивным, нежели ее сведение к расхожей формулировке «персоналистская диктатура». При более детальном рассмотрении в режимах подобного типа присутствует авторитарная элита, без которой реализация единоличных решений «вождя» в принципе невозможна — используя терминологию Вебера, элита выступает в роли управленческого штаба, «группы надежных доверенных лиц, специально действующих в направлении как общих указаний, так и конкретных приказов господствующего» [Вебер 2016–2019: I, 396].

- 1 Социолог Георгий Дерлугьян формулирует проблему в виде риторического вопроса: «Что может быть решительнее, круче военизированного фашизма?» (см. <https://www.ponarseurasia.org/8156/>). Помимо многократно описанной в СМИ и научных исследованиях тенденции к возобновлению агрессивного национализма в XXI веке, среди признаков фашизма, перечисленных в определении Манна, следует особо отметить парамилитаризм, активно возрождающийся в виде так называемых «частных военных компаний». Их нарастающая активность стирает грань между характерным для военных конфликтов эпохи Модерна различием между организованными и криминализованными боевыми действиями (см. [Mueller 2004]), выступая еще одним признаком тенденции к «рефеодализации» социальных отношений в XXI веке, которая будет рассмотрена ниже. Сам Манн в одном из недавних интервью констатировал усиление позиций «крайне правых конспирологов», см. <https://gorky.media/context/krajne-pravye-konspirologi-edinstvennaya-sila-kotoruyu-ukrepil-koronavirus/>

рующегося с фигурой Карла Маркса¹. Классовый подход предполагает, что неотъемлемой особенностью большинства известных из истории обществ является не просто неравномерность распределения ресурсов, а неравенство различных групп, определяющее специфику отношений между ними. Однако следует уточнить, что это неравенство далеко не всегда имеет экономическую природу, в связи с чем чистый классовый конфликт в марксистском смысле (наподобие антагонизма буржуазии и пролетариата) представляется достаточно условной конструкцией. В реальных социальных конфликтах, как правило, задействовано сразу несколько видов капитала, описанных в работах Пьера Бурдьё (помимо капитала экономического, он выделяет политический, культурный, человеческий и символический капитал, см. [Бурдьё 2005]), а группы-антагонисты не обязательно являются классами в «чистом» марксистском — экономическом — смысле².

22

Венгерский социолог Иван Селеньи и его коллега-экономист Петер Михайи [Szelényi and Mihályi 2020] предлагают двумерную модель описания ключевых типов современных (модерных) обществ, основанную на противопоставлении классового и рангового типов стратификации у Вебера, с одной стороны, и различных видах капитала у Бурдьё — с другой. В классических условиях капитализма, отмечают они, «командует экономика» — как следствие, в таком обществе доминирует целерациональность, а преобладающий режим стратификации является классовым: основным фактором социального неравенства оказывается обладание экономическим капиталом, ориентированное на получение дохода в виде прибыли. Напротив, в «классической» (ленинской/сталинской или маоистской) системе социализма доминируют социальная или политическая формы капитала, предполагающие другую разновидность дохода — рентную, а обладание экономическим капиталом, если это вообще

1 Р. Коллинз предлагает рассматривать идеи Маркса как «скорее символ, чем труд одного человека», отмечая, что в некоторых отношениях мыслителем более значительной оригинальности и широты был его соавтор Энгельс. Тем не менее именно Маркс остается «центром той традиции, которая драматизирует конфликт более, чем какая бы то ни было другая» (см. [Коллинз 2009: 63, 71]).

2 Одно из наиболее известных определений класса как чисто экономической категории принадлежит Ленину: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [Ленин 1970: 14].

возможно, создает затруднения и является не источником могущества, а его следствием (см. [Szelényi, Mihályi 2020: 55])¹. Поэтому в социалистических/коммунистических обществах, утверждают Селеньи и Михайи, руководящим принципом социальной классификации выступает не класс, а тот феномен, который у Вебера именуется термином *Stand* — сословие или ранг. При этом сам Вебер указывал, что даже при классическом капитализме классообразование не всегда происходит на основании экономического неравенства (неравенства доходов) — свою роль играют и другие виды капитала: в частности, в перечне «социальных классов», отличающемся от перечня «классов доходов», Вебер выделяет «классы, занимающие привилегированную позицию благодаря собственности и образованию» [Вебер 2016–2019: I, 336–337].

Такое осмысление истоков социального неравенства актуализируется в контексте последних тенденций к «рефеодализации» капитализма, которая проявляется не только в сверхконцентрации капитала (см. [Пикетти 2015]), но и в резком увеличении доли рент в структуре доходов. Как указывают Селеньи и Михайи, самый острый социально-экономический вопрос современности — «это не столько невероятные богатства 1 или 0,1% населения, сколько нарастающее почти феодальное, сословное расслоение, отделение высшего среднего класса от остального общества» [Михайи, Селеньи 2020: 93]². Такая феодализация — или рефеодализация — социального порядка, указывают венгерские исследователи, имеет и политические последствия: «Если подъем западной либеральной демократии сопровождался созданием мощной системы сдержек и противовесов, то теперь мы наблюдаем растущее отторжение либеральных идей, оправдываемое необходимостью сильного лидерства, <...> потому что сдержки и противовесы осложняют принятие быстрых радикальных решений» [Михайи, Селеньи 2020: 94–95]. К сказанному можно лишь добавить, что эти решения зачастую

-
- 1 Помимо «ренты редкости», описанной еще классиком политэкономии Давидом Рикардо, авторы выделяют такой феномен, как «рента солидарности», приводя в качестве одного из ее примеров членство в профсоюзе, позволяющее получать рентную («незаработанную») прибавку к заработной плате благодаря коллективным действиям. Однако рента солидарности может распространяться и на «безбилетников», например, тех, кто не является членом профсоюза, но получает выгоды в виде более высоких заработков или иных возможностей (см. [Михайи, Селеньи 2020: 62–63]).
 - 2 Следует также отметить, что венгерские авторы обнаруживают эти тенденции в глобальном масштабе, не ограничиваясь отдельными странами, как, к примеру, российский социолог Симон Кордонский, доказывающий, что формирование нового «сословного общества» — это характерная черта именно России (см. [Кордонский 2008]).

имеют ценностно-рациональный характер, т. е. мотивируются ображениями идеологической власти — о соответствующих рисках уже говорилось выше.

В качестве примера того, как работают описанные модели, обратимся к российскому материалу, проанализировав такой сравнительно недавний сюжет, как протесты в Москве конца 2011 — начала 2012 года, получившие также название «болотных митингов».

В интерпретации событий на Болотной площади и проспекте Сахарова различными комментаторами практически сразу возник некий коллективный субъект, которому приписывалась отчетливая классовая природа. Участников протестов, вышедших на улицы по собственной воле, именовали представителями «креативного класса» (вошедший на тот момент в интеллектуальную моду термин социолога Ричарда Флориды, см. [Флорида 2005]), «нового городского класса» или — наиболее распространенное определение — попросту «среднего класса», противопоставляя их «бюджетникам», которых свозили на организованные властями митинги по разрядке. Александр Бикбов, выполнивший, вероятно, наиболее полный социологический анализ протестов 2011–2012 годов, делает акцент на существенной роли медиа в конструировании «среднего» и «креативного» класса в качестве основного субъекта условной «Болотной», указывая, что собственные повестка и лозунги московского протестного движения не просто избегали мобилизующего понятия «средний класс», а структурно отличали российские уличные выступления от мобилизации классового типа (см. [Бикбов 2014: 144-162]). В то же время — в особенности в свете последующих трендов в российском обществе — важно разобраться, какая «классовая» реальность стояла за этой классовой риторикой.

В 2000-х годах, на волне роста российской экономики, дискуссия о среднем классе велась, как правило, на страницах научных и деловых изданий и сводилась преимущественно к тому, какую долю в населении страны занимала эта группа, исходя из разных критериев личного дохода ее представителей. При таком сугубо экономическом подходе разброс оценок был предельно широк — от «среднего класса в России не существует» до «к среднему классу уже относится значительная часть россиян»¹. Появление (пусть даже с подачи медиа) «среднего класса» в качестве субъекта политического протеста,

1 Одной из попыток выйти за пределы сугубо экономического представления о среднем классе был опубликованный в 2000-х годах в журнале «Эксперт» цикл материалов под рубрикой «Стиль жизни среднего класса», где предпринималась попытка расширительной интерпретации феномена со смещением акцента от размера доходов к гипотетическим общим ценностям, которые, впрочем, тоже так или иначе сводились к потребитель-

причем в виде группы, противостоящей другому «классу» — условным «бюджетникам», вывело дискуссию о структуре российского общества на иной уровень.

Очевидно, что при наделении двух предполагаемых «классов-антагонистов» исключительно экономическим содержанием, противопоставление незамедлительно теряло смысл, поскольку среди «бюджетников» легко обнаружить лиц с доходами, соответствующими тем или иным представлениям о «среднем классе» как «классе дохода». Поэтому понятие «средний класс» в контексте протестов 2011–2012 годов выступало вместилищем не только экономического, но и культурного, социального и символического капитала. Предполагалось, что обладание таким набором разновидностей капитала позволяет людям, вышедшим на улицы, претендовать на долю в капитале политическом, которой они были лишены в результате фальсификаций результатов выборов в Госдуму 2011 года, ставших поводом для протестов. Неоднократно звучавший в ходе митингов лозунг «Мы здесь власть» означал не что иное, как попытку репривации политического капитала в пользу нового коллективного субъекта. И даже если этот потенциально классовый конфликт был преимущественно искусственно сконструирован, конструкция нашла отклик с обеих сторон — некоторые участники протестов называли своих оппонентов с условной Поклонной «анчоусами» и «быдлом», получая в ответ заверения «мужиков» с «Уралвагонзавода» в готовности «отстоять свою стабильность».

25

В дальнейшем власти отреагировали на появление нового субъекта, претендующего на собственную долю в политическом капитале, при помощи неоднократных попыток осуществить «перехват повестки». Уже в декабре 2012 года в послании президента Владимира Путина Федеральному Собранию присутствовала следующая дефиниция: «Креативный класс, а если использовать более традиционное слово “интеллигенция”, — это прежде всего врачи, учителя, работники культуры»¹. А в марте 2020 года Путин, сославшись на методику Всемирного банка, согласно которой к среднему классу относятся лица с доходами в полтора раза больше минимального размера оплаты труда, заявил, что «у нас таких достаточно много, уверенно свыше 70%» — понятно, что при таком подходе в ряды среднего класса автоматически попадает значительная часть пресловутых «бюджетников».

Безусловно, такая благостная для властей оценка доли среднего класса лишь маскирует непрекращающийся рост социального не-

ским стандартам. См., например, один из материалов серии: https://expert.ru/expert/2010/04/stil_zhizni_srednego_klassa/

1 См. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/17118>

равенства в стране. Как отмечается в докладе World Inequality Report-2022, подготовленном группой авторов, включающей знаменитого французского экономиста Томаса Пикетти, доля верхних 10% в национальном богатстве РФ превышает 70%, что делает российское общество одним из самых поляризованных в мире по доходам жителей¹. Впрочем, существуют и иные оценки. Примечательно, что незадолго до процитированного выступления Путина в одном из исследований с использованием другой методологии доля населения РФ, соответствующая «всем характеристикам среднего класса», была оценена лишь в 7%². Иными словами, дискуссия о среднем классе вернулась в исходную точку: при отсутствии единых критериев выделения этой группы оценка ее доли в рамках отдельного общества может быть какой угодно. Но куда делся средний класс как политический проект, заявленный в ходе протестов 2011–2012 годов?

26

Как указывал Иммануил Валлерстайн, один из первых макросоциологов, предпринявших попытку синтеза марксистского и веберовского подходов к социальному конфликту, «в действительности классы существуют лишь в конфликтных ситуациях», когда «многочисленные общественные фракции имеют тенденцию сокращаться до двух основных групп путем формирования альянсов» — именно при наличии двух классов «ситуация наиболее взрывоопасна» [Валлерстайн 2015: 432]. Однако наиболее распространенным положением дел, отмечал Валлерстайн, является наличие лишь одного доминирующего класса — в этом случае социальный конфликт не обязательно имеет межклассовую природу, он может представлять собой «столкновение между одним классом, воспринимающим себя в качестве универсального, и всеми прочими социальными стратами». Как представляется, это рассуждение с поправкой на сказанное выше о различии между «классами дохода» и «социальными классами» дает ключ к интерпретации российских реалий второй половины 2010-х — начала 2020-х годов.

Как уже говорилось выше, важным моментом в классовом анализе является не только размер доходов, но и их источники — заработные платы, прибыли или ренты, — определяющие не только экономический капитал их получателей, но и специфику принадлежащего им социального и человеческого капитала (см. [Bourdieu 1984]). С этой точки зрения основной тенденцией стратификации российского общества последних лет стало увеличение доли рентных доходов в виде различных социальных выплат из бюджета. Если в 2017 году

1 См. https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2023/03/D_FINAL_WIL_RIM_RAPPORT_2303.pdf, pp. 215-216 (последний доступ 23.04.2023).

2 См. <https://www.rbc.ru/economics/04/10/2019/5d95e0b99a79470a6a29a042>

на них приходилось 19% доходов россиян, то, согласно данным Росстата на начало 2023 года, выплаты от государства получали уже 33%, на зарплату жили 45% граждан, 25% являлись иждивенцами, а предпринимательские доходы (прибыли) имели лишь 2%¹.

Такая динамика безошибочно свидетельствует о стремительном формировании в России нового класса рентополучателей, значительно превосходящего по численности пресловутых «бюджетников», которых, в сущности, также можно включить в состав этого нового рентного класса. Основной характеристикой этой группы является социальная пассивность, дающая право на своеобразную ренту солидарности в виде бюджетных отчислений, чем, по-видимому, и объясняется отсутствие массовых протестов в ответ на прогрессирующие с 2018 года (с момента пенсионной реформы) действия властей по сворачиванию гражданских прав и свобод. На фоне монолитности этого растущего нового класса группы, заявлявшие о претензиях на политический капитал, оказались в явном меньшинстве, после всплеска протестов в 2011–2012 годах их консолидации так и не произошло, а в текущих российских реалиях они оказались предельно атомизированными. «Окна возможностей», открывшиеся в момент системного кризиса источников социальной власти в СССР, похоже, захлопнулись надолго.

27

Представленные подходы к анализу социального конфликта и иллюстрирующие их примеры свидетельствуют прежде всего о неотъемлемой многогранности конфликта. Теория источников социальной власти Майкла Манна, которой посвящена первая часть статьи, предостерегает о принципиальной однобокости интерпретации любого конфликта, имеющего отношение к власти (а к таковым может быть отнесен любой конфликт, попадающий в периметр макросоциологии), исключительно как политического, экономического, идеологического или военного. Для полноценного описания такого конфликта требуется задействовать все четыре указанных аспекта социальной власти, даже если какие-то из них не проявляются в конкретном конфликте в достаточной мере (как известно из семиотики, отсутствие знака — тоже знак). На эту первоначальную разметку поля конфликта ложатся очерченные во второй части статьи подходы к анализу его непосредственных участников — социальных классов с их ресурсами (капиталом в его различных формах), которые в конечном итоге и определяют специфическую

1 Данные 2017 года см. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/02/15/677712-naselenie-zavisit-ot-viplat>, данные 2023 года — <https://www.rbc.ru/economics/12/01/2023/63be83e59a794786222dfa6a>

конфигурацию неравенства — движущей силы любого конфликта. Такой комплексный подход позволяет преодолеть догматизм марксистских схем, в то же время не отказываясь от теоретического наследия марксизма: переосмысление его ключевых терминов в веберовской парадигме обогатило социологическую традицию конфликта, сформировав необходимый калейдоскопический взгляд на этот социальный феномен.

Библиография / References:

Андерсон П. (2007) *Переходы от античности к феодализму*. М.: Издательский дом «Территория будущего».

— Anderson P. (2007) *Transitions from antiquity to feudalism*. Moscow: Publishing House “Territory of the Future”. — in Russ.

Бикбов А. Т. (2014) *Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

— Bikbov A. T. (2014) *Grammar of order: A historical sociology of concepts that change our reality*. М.: Ed. house of the Higher School of Economics. — in Russ.

28

Валлерстайн И. (2016-2018) *Мир-система Модерна*. В 4 тт. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.

— Wallerstein I. (2016-2018) *World-system Modern*. In 4 vols. Moscow: Russian Foundation for Distribution and Science. — in Russ.

Восленский М. С. (1991) *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. М.: Советская Россия.

— Voslensky M. S. (1991) *Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union*. М.: Soviet Russia. — in Russ.

Бурдьё П. (2005) Формы капитала. *Экономическая социология*, 6(3): 60-74.

— Bourdieu P. (2005) Forms of capital. *Economic sociology*, 6(3): 60-74. — in Russ.

Вебер М. (2016-2019) *Хозяйство и общество*. В 4 тт. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

— Weber M. (2016-2019) *Economy and society*. In 4 vols. М.: Publishing House of the Higher School of Economics. — in Russ.

Гайдар Е. Т. (2006) *Гибель империи. Уроки для современной России*. М.: РОССПЭН.

— Gaidar E. T. (2006) *The death of an empire. Lessons for modern Russia*. М.: ROSSPEN. — in Russ.

Коллинз Р. (2002) *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

— Collins R. (2002) *Sociology of philosophies. Global theory of intellectual change*. Novosibirsk: Siberian Chronograph. — in Russ.

Коллинз Р. (2009) *Четыре социологических традиции*. М.: Издательский дом «Территория будущего».

- Collins R. (2009) *Four sociological traditions*. М.: Publishing House “Territory of the Future”. — in Russ.
- Кордонский С. Г. (2008) *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Kordonsky S. G. (2008) *Class structure of post-Soviet Russia*. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation. — in Russ.
- Коткин С. (2018) *Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000*. М.: Новое литературное обозрение.
- Kotkin S. (2018) *Prevented Armageddon. Collapse of the Soviet Union, 1970–2000*. Moscow: New Literary Review. — in Russ.
- Лахман Р. (2010) *Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени*. М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Lachman R. (2010) *Capitalists involuntarily. Elite Conflict and Takeovers in Early Modern Europe*. М.: Publishing House “Territory of the Future”. — in Russ.
- Лахман Р. (2022) *Пассажиры первого класса на тонущем корабле. Политика элиты и упадок великих держав*. М.: Издание книжного магазина «Циолковский».
- Lachman R. (2022) *First Class Passengers on a Sinking Shipbuilding. Elite politics and the decline of the great powers*. М.: Edition of the Tsiolkovsky bookstore. — in Russ.
- Ленин В. И. (1970) *Полное собрание сочинений*. Изд. 5-е. Т. 39. М.: Издательство политической литературы. 29
- Lenin V. I. (1970) *Full composition of writings*. Ed. 5th. Vol. 39. М.: Publishing house of political literature. — in Russ.
- Ливен А. (2019) *Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война*. М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке.
- Liven A. (2019) *Chechnya: the tragedy of Russian power. First Chechen war*. Moscow: Dmitry Pozharsky University. Russian Foundation for Distribution and Science. — in Russ.
- Манн М. (2018) *Источники социальной власти*. В 4 тт. М.: Издательский дом «Дело» РАНХИГС.
- Mann M. (2018) *Sources of social power*. In 4 vols. Moscow: Delo Publishing House RANHIGS. — in Russ.
- Манн М. (2023) *Фашисты*. СПб., М., Минск: Питер; Фонд «Историческая память».
- Mann M. (2023) *Fascists*. SPb., M., Minsk: Peter; Historical Memory Foundation. — in Russ.
- Миллс Р. (1959) *Властвующая элита*. М.: Иностранная литература.
- Mills R. (1959) *The ruling elite*. Moscow: Foreign Literature. — in Russ.
- Михайи (Михалы) П., Селеньи И. (2020) *Получатели ренты: прибыли, заработки и неравенство (верхние 20%)*. М.: Магистр.
- Mihalyi (Michaly) P., Selenyi I. (2020) *Rent Recipients: Profits, Earnings and Inequality (Top 20%)*. М.: Master. — in Russ.
- Пикетти Т. (2015) *Капитал в XXI веке*. М.: Ad Marginem.

- Piketty T. (2015) *Capital in the XXI century*. Moscow: Ad Marginem. — in Russ.
- Привалов А. (2005) Приговор по нераскрытому делу. *Эксперт*, 30(476).
- Privalov A. (2005) Sentence in an unsolved case. *Expert*, 30(476). — in Russ.
- Тилли Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* М.: Издательский дом «Территория будущего».
- Tilly C. (2009) *Coercion, Capital and European States. 990–1992*. М.: Publishing House “Territory of the Future”. — in Russ.
- Уикхем К. (2019) *Средневековая Европа. От падения Рима до Реформации*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Wickham K. (2019) *Medieval Europe. From the fall of Rome to the Reformation*. Moscow: Alpina Nonfiction. — in Russ.
- Фельштинский Ю. Г., Попов В. К. (2021) *От Красного террора к мафиозному государству: спецслужбы России в борьбе за мировое господство (1917–2036)*. Киев.
- Felshtinsky Yu.G., Popov V. K. (2021) *From Red Terror to Mafia State: Russia's Secret Services in the Struggle for World Domination (1917–2036)*. Kyiv. — in Russ.
- Флорида Р. (2005) *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика-XXI.
- Florida R. (2005) *Creative class: people who change the future*. М.: Classics-XXI. — in Russ.
- 30 Bourdieu P. (1984) *Distinction — A Social Critique of Judgment of Taste*. Cambridge: Harvard University Press.
- Collins R. (1978) Long-Term Social Change and the Territorial Power of States. *Research in Social Movements, Conflicts, and Change*, (1): 1-34.
- Collins R. (1995) Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse, *The American Journal of Sociology*, 100(6): 1552-1593.
- Mueller J. (2004) *The Remnants of War*. Cornell University Press.
- Szelényi I., Mihályi P. (2020) *Varieties of Post-communist Capitalism. A Comparative Analysis of Russia, Eastern Europe and China*. Leiden, Brill, 2020.

Рекомендация для цитирования:

Проценко Н. Н. (2023) Источники социальной власти, разновидности капитала и типы стратификации: эвристический потенциал многофакторного макроанализа социального конфликта. *Социология власти*, 35 (1): 11-30.

For citations:

Protsenko N. N. (2023) Sources of Social Power, Varieties of Capital, and Types of Stratification: the Heuristic Potential of Multivariate Macroanalysis of Social Conflict. *Sociology of Power*, 35 (1): 11-30.

Поступила в редакцию: 29.01.2023; принята в печать: 03.03.2023

Received: 29.01.2023; Accepted for publication: 03.03.2023